

Всякая перемена
прокладывает путь другим переменам.
Никколо Макиавелли

ПРОЛОГ

В настоящих очерках по истории отечественного государства и права мы попытаемся рассказать о коротком, но весьма драматичном периоде истории нашей страны — 1985—2000 гг.

За 15 лет произошло три эпохальных события: распад Советского Союза и возникновение 15 независимых государств, включая РСФСР; осуществление глубоких экономических реформ в России; изменение общественно-политического строя в нашей стране, выразившееся в политико-правовом оформлении Российской Федерации¹.

По существу, подряд произошли три революции — национально-освободительная, экономическая и политическая, повлекшие за собой, помимо прочего, коренное изменение законодательства страны.

Лидерам Российской Федерации хватило мудрости не отказываться от всего наследия Советского Союза. Мы стали правопреемниками СССР не только с точки зрения участия в международных организациях и наличия ядерного оружия, но и в отличие от большевиков не отрицали преемства законодательства предыдущего государства. Акты Советского Союза продолжали действовать до принятия нового, российского законодательства.

¹ Первой русской республикой можно было бы назвать то, что существовало на просторах Российской империи с февраля по октябрь 1917 г. Однако это образование так и не получило своего политического и правового оформления, так что полноценным государством его вряд ли можно считать. Кроме того, полагаем, что политические преобразования Николая II, проводившиеся им в 1905—1906 гг., также можно назвать революционными, однако ввиду огромного числа обстоятельств субъективного и объективного характера они остались незавершенными. Вместе с тем империя имела шанс перейти от абсолютной монархии к монархии конституционной. Не вышло.

Стоит отметить, что общепризнанного определения понятия «революция» в настоящее время не существует. Революцией порой называют государственные перевороты (например, так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция) или вообще глубокие модернизационные процессы (например, научно-техническая революция). Здесь мы используем слово «революция» в наиболее общем его смысле, указывая на сущностный характер произошедших изменений.

Однако итогом описываемых в настоящих очерках событий стали изменение политического устройства государства, экономических отношений в стране и значительные изменения структуры общества. Так что происшедшие события вполне уместно именовать революцией в наиболее привычном нам еще со школьной скамьи смысле — как явления, приводящего к смене общественно-политической формации. **Исходя из глубины произошедших изменений и по аналогии с событиями 1917–1922 гг., именуемых Великой русской революцией (ВРР I), период 1989–1993 гг. вполне можно назвать Второй Великой русской революцией (ВРР II).** Ну или контрреволюцией по отношению к Октябрьскому перевороту 1917 г., если кому-то такое название больше нравится.

В 1993 г. была принята Конституция, заложившая основу развития законодательства новой России. Но что гораздо важнее, Конституция стала законом прямого действия, чего не было в советских Основных законах.

Автор очерков отдает себе отчет в том, что в настоящее время здравствует большое количество участников и тем более свидетелей описываемых им событий. Их оценки и интерпретации произошедшего носят порой антагонистический характер. Мы не преследуем цель расставить здесь все точки над *i* и изложить собственное «окончательное» видение этих исторических событий. На основе анализа правовых документов того времени мы хотим более или менее объективно, стараясь соблюдать дистанцию от каких-либо идеологических предубеждений, показать масштаб происшедших изменений и их влияние на судьбу страны, внести свой вклад в создание истории этого удивительного времени, которая еще не то что не написана, а к ее написанию по большому счету еще и не приступали.

Впрочем, не стоит забывать, что автор сам являлся активным участником описываемых событий, а также лично знаком со многими их ключевыми фигурами. Так что рассказ о некоторых, на первый взгляд частных, событиях не только, как мы надеемся, придаст красок и живости изложению, но и позволит в определенной мере ощутить дух того времени.

Столь глобальные изменения государственного устройства и экономических отношений не могли не привести и к правовой революции, приведшей, в свою очередь, к уходу в небытие советского права, с одной стороны, и к созданию и развитию принципиально иного права новой России — с другой. История права нашей страны вновь распалась на два периода — до и после. В соответствии с этим обстоятельством настоящие очерки разделены на соответствующие части.

Часть I. ЗАКАТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Глава 1. СССР накануне Второй Великой русской революции

Терпит крах та идеология, которая обещает всем то,
что могут иметь лишь немногие.

Вильгельм Швобель

§ 1. Немного теории и истории

Все происходит молниеносно,
но происходящему предшествует длительный процесс.

Генри Миллер

Существует большое количество теорий революции в традиционном понимании этого слова как скачкообразного процесса изменения общественно-политической формации в конкретной стране. Одно их перечисление заняло бы слишком много места¹. Однако все эти теории не дают убедительного ответа на следующие вопросы. Каковы необходимые и достаточные условия для свершения революции? Что приводит к спонтанным действиям большого количества людей во время революции (народному восстанию)? Как предсказать революцию?

«Коллапс коммунизма был фантастическим сюрпризом... В современной истории не было большей неожиданности, чем скорость и всеобщность, с которой пали коммунистические режимы в Восточной Европе и в самом социалистическом отечестве — Советском Союзе»².

¹ См., например: *Штомпка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 369–389.

² *Kirkpatrick J.J.* After communism, what? // *Problems of Communism*. 1992. № 41 (January – April). P. 7 (цит. по: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 387).

Произошел мощный взрыв, разрушивший стену, отделявшую мир социализма от Запада. Не только Берлинскую стену или воображаемую музыкантами *Pink Floyd*, но прежде всего стену идеологическую, подкрепленную армией, правоохранительной системой, государственным аппаратом и законодательством.

Можно ли было предсказать каскад антикоммунистических революций в странах Восточной Европы 1989 г. и распад СССР в конце 1991 г.? Иными словами, были ли эти события неизбежны? Стала ли Вторая Великая русская революция (ВРР II) итогом неких объективных исторических процессов, результатом стечения обстоятельств и случайных событий, или к ней привели целенаправленные действия неких политических сил?

Думается, правильный ответ: к ВРР II привело и то, и другое, и третье.

Все, кто учился во времена СССР в школе, а тем более в вузе, были хорошо знакомы с марксистско-ленинской теорией революции, в частности с ее знаменитым «верхи не могут, низы не хотят»¹. Согласно этой теории революции возникают как следствие противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Во всяком относительно стабильном обществе существует баланс между экономической структурой, общественными отношениями и политической системой. С изменением производительных сил противоречия нарастают, что приводит к открытому столкновению классов и в конце концов к революции, осуществляемой, как правило, насильственными методами и путем народного восстания. Иными словами, революции являются результатом объективных исторических процессов и потому неизбежны.

В современной социологии общество (социум) рассматривается в качестве саморегулирующейся системы, которая способна приспосабливаться к изменениям путем реорганизации своих институтов так, чтобы поддерживать между ними баланс и сохранять эффективную работу системы.

К институтам относятся в том числе и системы управления, в частности государство. В отличие от многих других социальных институтов — экономических структур, науки, искусства и т.д., ориентированных на развитие, управление всегда направлено на функционирование. В результате рано или поздно системы управления перестают соответствовать другим социальным институтам и вся социальная система

¹ «Для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» (Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 300).

лишается равновесия и переходит в состояние возбуждения. Возникает проблема ее возвращения в равновесное состояние или релаксации.

Конечно, вывести социальную систему из равновесия могут и религиозные, этнические, территориальные и иные конфликты. Вообще, социальная система — это живой организм, она находится не в статическом, а динамическом равновесии, когда случаются постоянные локальные нарушения равновесия, с которыми общество справляется с помощью своих институтов. Предпосылками революционной ситуации становятся только сильные отклонения от равновесия и только тогда, когда они приобретают измерение «власть — общество».

Критический дисбаланс социальной системы проявляется прежде всего в изменении жизненных ценностей общества, когда бывшие ценности становятся антиценностями, и наоборот. Иногда говорят, что изменяется дух времени. Особенно это заметно в наиболее популярных для данного времени произведениях литературы и искусства. На место бывших авторитетов приходят новые властители дум. Люди теряют ориентацию и предрасположены слушать новых проповедников, обещающих социальные изменения. Правители, находящиеся у власти, начинают терять поддержку все большего числа людей.

Однако описанные объективные процессы социальной динамики являются необходимыми, но недостаточными условиями для революции. Социальный взрыв вполне можно предотвратить, если управляющие системы эффективно реагируют на ситуацию и начинают проводить политику, которая восстанавливает равновесие.

Здесь возможны два варианта.

Если власть оцепенела и не склонна менять самое себя, ее структуры прибегают к силовому подавлению революционных настроений, создавая так называемое полицейское государство, которое может просуществовать некоторое время.

В случае, если режиму не удастся убедить своих граждан вернуться к прежним ценностям и обычаям, он обречен. Когда станет ясно, что кризис затронул основные устои, силовые структуры теряют уверенность в правоте власти и отворачиваются от нее. «Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции»¹.

¹ *Сорокин П.* Социология революции. М.: Территория будущего; РОССПЭН, 2005. С. 395.

Ряд обстоятельств может ускорить этот процесс. Например, участие государства в непопулярной войне, массовые акции неповиновения, острый экономический кризис и тому подобные события и явления деморализуют силовую составляющую власти и лишают ее внутренней опоры. Рано или поздно дело заканчивается коллапсом социальной системы, ее «разрушением до основания», после чего она собирается заново на других политических, экономических и культурных основаниях.

Такое неустойчивое состояние социальной системы, когда отдельные, по сути случайные, события могут привести к ее революционному изменению, иногда обозначают термином «точка бифуркации»¹. Такая особенность неравновесных социальных систем убеждает нас в непредсказуемости не только революций, но и социальной динамики вообще.

Революция всегда происходит неожиданно даже для тех, кто посвятил себя ее подготовке и осуществлению.

Если же системы управления оказываются способны эволюционировать так, чтобы соответствовать новым социальным реалиям, революции можно избежать.

Впрочем, в процессе такой эволюции могут возникнуть обстоятельства или произойти события, которые послужат спусковым крючком, запускающим революционные процессы. Например, власти Российской империи в начале XX в. наряду с силовым подавлением революционных волнений 1905–1907 гг. пытались двигаться в сторону демократических преобразований, учредив Государственную Думу. Однако начавшаяся Первая мировая война, резкое ухудшение материального положения населения, чудовищная коррупция в высших эшелонах власти и слабость императора Николая II как лидера государства стали теми обстоятельствами, которые и привели к Великой русской революции (ВРР I).

Карл Маркс в своем исследовании социальных изменений мог опираться только на опыт буржуазных революций XVII–XIX вв. Авторитарные монархи считали свою власть данной богом и потому к самосовершенствованию склонны не были. Так что во всех случаях, если отвлечься от некоторых нюансов, дело заканчивалось револю-

¹ Критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности. Термин из теории самоорганизации.

цией. Поэтому Маркс считал наличие противоречия между производственными силами и производственными отношениями достаточным условием для неизбежной революции.

Он не мог оценить гибкость демократических режимов, замечательных разделением властей, их неизбежной сменяемостью и принципами правового государства, что позволяет им подстраиваться под социальные изменения в перманентном режиме. Ведь в его время они только зарождались. Поэтому его прогноз о неизбежности коммунистических революций во всей Европе так и не сбылся. Социалистические режимы в странах Восточной Европы были навязаны им извне, а в Скандинавских странах и некоторых других странах Западной Европы возникли эволюционным путем, по-видимому, и под определенным влиянием опыта СССР и стран системы социализма.

Однако даже при наличии объективных предпосылок, приводящих обстоятельств и определенных событий революции не происходят автоматически. Их осуществляют люди и не только и даже не столько революционеры, но и, как говорил В.И. Ленин, массы.

Революционеры осуществляют свою деятельность исходя из овладевших ими идеологией и представлений о прекрасном будущем. А что заставляет, так сказать, обычных людей проявлять политическую активность, каковы причины, «порождающие революционные отклонения в поведении людей»?¹

Сторонники марксистского подхода убеждали нас, что ярость масс возбуждает эксплуатация одних классов другими, приводящая к обнищанию основной части населения. Однако из истории хорошо известно, что люди могут жить в нищете и бесправии продолжительное время и считать такой порядок вещей естественным².

Революционные брожения начинаются только тогда, когда люди осознают свое бедственное положение, когда для них оказывается значимым, а то и невыносимым противоречие между жизнью, которую они вынуждены вести, и их представлением о том, чего они могли бы

¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 363.

² Как писал А.И. Солженицын, «и Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм и тоже сохраняла себя и свое здоровье, и не испытала таких самоуничтожений, как в XX веке, и миллионы наших крестьянских предков за десять веков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь. Функционирование таких систем... целыми веками допускает считать, что, в каком-то диапазоне власти, они тоже могут быть сносными для жизни людей» (Солженицын А.И. Из-под глыб: Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1974. С. 25–26).

достичь. Или, по-научному, люди испытывают чувство относительной депривации¹.

Крушение надежд приводит к массовой агрессии и когнитивному диссонансу², характерным для революционных процессов. Как писал Питирим Сорокин, «революция кардинально преобразует типичное человеческое поведение — «революция» в поведении людей наступает незамедлительно: условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, и на смену социуму на волю выпускается «бестия»»³.

Существует три варианта социальной динамики, которые приводят к появлению обостренного чувства относительной депривации (разочарования, депрессии, ощущения несправедливости), достигающей революционного уровня.

Первый — это когда ожидания возрастают, а действительность остается прежней. Возрастание ожиданий может быть связано с появлением новых идеологий, систем ценностей, религиозных или политических доктрин, устанавливающих новые стандарты, которых люди заслуживают и вправе ожидать. Или налицо демонстрация явно большего благополучия в других странах. Причем речь идет не только о материальных благах, но и о доступе к духовным ценностям, свободе, более широким правам и т.д. Крушение ожиданий становится непереносимым, что может вызвать «революцию пробудившихся надежд».

Второй вариант — это когда, наоборот, представления о должном остаются на прежнем уровне, но происходит существенное падение жизненных стандартов. Последнее может случиться в результате войны или природного катаклизма, экономического или финансового кризиса, неспособности государства обеспечить общественную безопасность, из-за сужения круга участников политической жизни, поворота к авторитарному или диктаторскому режиму. Это путь к «революции отобранных выгод».

¹ Основателями теории относительной депривации считаются Джеймс Дэвис и Тед Гарп (*Davies J. C. When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971; Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970*). Эта теория порождает большое число специфических, поддающихся проверке гипотез, подкрепляя их многочисленными иллюстрациями, статистическими и историческими свидетельствами.

² Когнитивный диссонанс означает расхождение между привычными социальными установками и реальным поведением человека.

³ Сорокин П. Указ. соч. С. 368.

Наконец, третий вариант — это когда рост ожиданий накладывается на ситуацию, в которой реальные возможности достижения этих ожиданий блокируются или даже снижаются по тем же причинам, что и во втором варианте. Это путь к «революции крушения прогресса»¹.

Даже при отсутствии необходимых объективных предпосылок революции как механизма смены общественно-политического строя наличие синдрома относительной депривации способно вызвать политические потрясения, оказывающие значительное влияние на дальнейшую социальную динамику. В Российской империи XIX в. такое случилось дважды.

В начале указанного столетия наиболее продвинутая часть аристократической молодежи была весьма разочарована тем, что реформы, задуманные императором Александром I под влиянием М.М. Сперанского, способные продвинуть Российскую империю в число цивилизованных стран, так и не были начаты. К тому же русский народ, в основной своей массе крестьяне, проявивший героизм в ходе Отечественной войны 1812 г., не получил в награду какого-либо улучшения своего положения, в частности освобождения от крепостной зависимости. Возникший синдром относительной депривации пробудившихся надежд породил декабристов, которые решили осуществить революцию путем дворцового переворота.

Во второй половине XIX в. тот же синдром распространился среди разночинцев в результате половинчатых реформ Александра II, в частности земельной реформы, освободившей крестьян от крепостной зависимости, но не наделившей их землей². После подавления крестьянских бунтов 1861–1862 гг. возникли радикальные политические движения, в том числе и террористической направленности.

Верховная распорядительная комиссия во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым на основе, как сейчас бы сказали, углубленных социальных исследований с выездом на места пришла к выводу, что причина террора и недовольства населения заключается не в желании избавиться от монархии, а в том, что либеральные реформы начала правления Александра II либо забуксовали, либо были полностью свернуты. Иными словами, был диагностирован синдром относительной депривации пробудившихся надежд. Решение возникших проблем предлагалось не только в усилении репрессий, но и в продолжении

¹ См.: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 378–380.

² «Знаю, на место цепей крепостных / Люди придумали много иных» (Н.А. Некрасов, «Свобода», 1861 г.).

незавершенных реформ. Соответствующим сигналом обществу должно было стать принятие Конституции. Однако гибель императора (1881 г.) в результате теракта положила конец этим планам.

В дальнейшем степень относительной депривации пробудившихся надежд, т.е. мера различия между ценностными ожиданиями и тем, что люди могут в реальности получить, только возрастала. Поражение в русско-японской войне и подавление революционных волнений 1905–1907 гг. только усугубили ситуацию.

Резкое падение жизненного уровня городской части населения, особенно рабочих, вследствие участия Российской империи в Первой мировой войне породило еще и синдром относительной депривации отобранных выгод. На этом фоне, обрисованном нами лишь в самых общих чертах, и произошла Великая русская революция.

Важной особенностью процессов, предшествовавших ВРР I, стало возникновение политических структур (партий) и профессиональных революционеров, ставивших своей целью захват власти посредством революции. Революция не заканчивается в момент падения прежнего режима. Ее завершением становится возникновение новой формы правления на обломках старой. «Революции доводились до полного конца лишь в тех случаях, когда новые государственные организации — администрации и армии, координируемые исполнителями, которые правили во имя революционных символов, — сформировались в конфликтных условиях революционных ситуаций»¹. Иными словами, основной вопрос любой революции: кто, собственно, станет ее бенефициаром?

Если в момент разрушения прежнего строя не найдется политической силы, имеющей проект построения нового социального и политического порядка, а также организационных возможностей его реализации, то революция как смена общественно-политической формации обречена на провал. Рано или поздно будут восстановлены прежние порядки, в лучшем случае с измененным кадровым составом систем управления.

Каковы возможности политических структур в формировании необходимых и достаточных условий осуществления революции?

Очевидно, что влиять на социальную динамику или контролировать ее с целью вывода социальной системы из равновесия невозможно. Это естественный процесс. Также оппозиционным партиям не под силу как-то повлиять на смещение ценностной ориентации общества.

¹ Skockpol T. States and Social Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 163 (цит. по: Штомпка П. Указ. соч. С. 382).